

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ПИСЕМЪ ГРАФА Д. А. МИЛЮТИНА КЪ КНЯЗЮ А. И. БАРЯТИНСКОМУ.

(Сообщено въ „Русскій Архивъ“ біографомъ князя, А. Л. Зиссерманомъ).

25 Декабря 1859 г. Тифлисъ.

Позвольте мнѣ выразить искреннее мое желаніе вашему сіятельству постояннаго здоровья и полнаго успѣха во всѣхъ вашихъ предположеніяхъ, за исключеніемъ однакоже (простите мою смѣлость и откровенность) намѣренія вашего удалить меня изъ здѣшняго чудеснаго климата. Излишнимъ было бы просить ваше сіятельство не сомнѣваться въ искренности тѣхъ чувствъ, которыя привязываютъ меня къ службѣ на Кавказѣ и съ которыми я останусь неизмѣнно.

*

23 Іюня 1860.

Прежде всего позвольте принести глубокую признательность какъ за привезенное кап. Бюнтингомъ письмо ваше отъ 21 числа, такъ и за благосклонное участіе, которое ваше сіятельство принимаете въ состояніи моего здоровья. Въ этомъ отношеніи спѣшу довести до вашего свѣдѣнія, что лихорадочные пароксизмы прекратились, и я совсѣмъ почти поправился. Впрочемъ, ходъ служебныхъ моихъ занятій не прекращался ни на одинъ день: при всей моей покорности вашимъ совѣтамъ, я позволю себѣ на этотъ разъ послушаться и продолжать обычныя свои работы. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо совѣстно было бы мнѣ сидѣть, сложа руки. Собственно же для здоровья занятій я не боюсь, а долженъ только предостерегаться простуды и утомленія физическаго, чтобы неотвязчивая лихорадка не возвращалась безпрестанно.

Ваше сіятельство изволили сообщить мнѣ выписку изъ полученнаго вами письма отъ Государя Императора, и при этомъ вамъ угодно

было спросить меня: въ какомъ смыслѣ я желалъ бы, чтобы вы отвѣчали Его Величеству? Вопросъ этотъ поставляетъ меня въ немалое затрудненіе. Уже много разъ и вполне чистосердечно я выражалъ вамъ, съ какою грустью, даже съ болѣзнью, помышляю я о необходимости перемѣны въ настоящемъ моемъ положеніи. Каждый разъ, когда рѣчь возобновляется о переходѣ въ Петербургъ, сердце мое стѣсняется, какъ-будто отъ какого-то зловѣщаго предчувствія. Еслибъ зависѣло только отъ моей воли, то конечно я пожелалъ бы только одного: не разставаться никогда съ здѣшнимъ краемъ, здѣшнею службою, здѣшнимъ моимъ начальникомъ. Чувство это ваше сіятельство вполне поймете и найдете совершенно естественнымъ. Скажу болѣе: во всей семьѣ моей я ожидаю горькихъ слезъ въ тотъ день, когда придется мнѣ объявить о предстоящемъ переселеніи въ Петербургъ. Но при всемъ этомъ я вижу теперь, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко, что напрасно я льстилъ себя надеждами на какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства, которыя могли бы разстроить предположеніе. Теперь я долженъ покориться судьбѣ и, слѣдуя всегдашнему своему правилу, помимо всѣхъ личныхъ расчетовъ, предоставить высшему рѣшенію направить мою судьбу туда, куда указываетъ единственно польза службы. Повторяю, что я устраняю всякія эгоистическія соображенія, безпрекословно, съ благоговѣніемъ повергаю свою участь волѣ Государя и не имѣю другого желанія, какъ только сохранить еще довольно силъ физическихъ и нравственныхъ, чтобы сколько-нибудь быть полезнымъ. Одно преслѣдуетъ меня: серьезное опасеніе—не оправдать вашего, слишкомъ благосклоннаго мнѣнія обо мнѣ и милостивыхъ ожиданій самого Государя.

Вотъ единственныя мысли, которыя внушены мнѣ строками изъ письма Его Величества. Затѣмъ мнѣ остается просить ваше сіятельство въ отвѣтъ вашему имѣть въ виду болѣе всего пользу службы и неограниченное рвеніе мое служить Государю вѣрою и правдою. Что же касается до моихъ личныхъ интересовъ, то я всегда полагался гораздо болѣе на ваше ко мнѣ благосклонное расположеніе и воспоминаніе, чѣмъ на собственную предусмотрительность. Ваше сіятельство сами показывали постоянную заботливость о томъ, чтобы, при предстоящей мнѣ перемѣнѣ службы, я избѣгнулъ всякаго неловкаго и фальшиваго положенія. И теперь я убѣжденъ, что вы не согласитесь отпустить меня отъ себя прежде, чѣмъ будетъ опредѣлено ясно и положительно будущее мое положеніе.

Изъ письма полковника Лимановскаго и изъ словъ кап. Бюнтинга, я съ радостію узналъ о благопріятномъ состояніи вашего здо-

ровья, несмотря на изнурительное и тяжкое лѣчение, которому вы обрекли себя. Дай Богъ, чтобы настойчивость ваша, терпѣніе, лишенія принесли существенную пользу*). Жена моя поручаетъ мнѣ выразить глубокую ея признательность за благосклонное ваше вниманіе и искренно желаетъ, чтобы ваше сіятельство возвратились изъ Боржома совершенно здоровымъ. Что касается ея брата Понсэ, то я почти не видалъ его: онъ пріѣхалъ изъ Петербурга съ главною болью, отъ которой и теперь еще лѣчится въ Тифлисѣ. Въ первый разъ, какъ увижусь съ нимъ, заговорю серьезно о намѣреніяхъ и видахъ его относительно службы, и не замедлю откровенно довести до вашего свѣдѣнія о томъ, что вывѣдаю.

*

5 Ноября 1860.

Простите, ваше сіятельство, что я принялъ смѣлость высказывать личныя мои мнѣнія по такому предмету, который нынѣ уже не касается прямо до меня. Но я говорю, какъ бывшій вашъ начальникъ штаба, который привыкъ къ откровенности съ вашимъ сіятельствомъ и который никакъ не можетъ оторваться отъ прежнихъ своихъ служебныхъ обязанностей и заботъ. Впрочемъ, я пользуюсь только въ этомъ случаѣ вашимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ и надѣюсь на прежнее ваше довѣріе къ моему чистосердечію и преданности вашему сіятельству.

*

(С.-ПБ.). 10 Ноября 1860.

Послѣ перваго моего письма къ вашему сіятельству я не имѣю ничего замѣчательнаго сообщить вамъ ни о дѣлахъ общихъ, ни о собственныхъ своихъ. До сихъ поръ я не устроился еще окончательно и живу пока въ гостиницѣ, такъ какъ нанятая мною квартира требовала нѣкоторыхъ перестроекъ. Несмотря на то, я уже погрузился вполне въ океанъ министерской работы и суеты. На-дняхъ видѣлъ Всеволожскаго, который доставилъ намъ свѣжія извѣстія изъ Тифлиса. Каждый пріѣзжающій оттуда радуется насъ, какъ близкій родной.

*

9 Января 1861. С.-П-бургъ.

Относительно награды генералу Филипсону я не могъ рѣшительно ничего сдѣлать, потому что Государь, прочитавъ то мѣсто

*) Князь Бяратинскій тогда лечился въ Дрезденѣ.

вашего письма, гдѣ ваше сіятельство объ этомъ упоминаете, сейчасъ же приказалъ выдать крестъ подполковн. Кольсону и Монтебелло, а о Филипсонѣ умолчалъ, и потомъ уже военный министръ не рѣшился напомнить. Точно также о другихъ лицахъ, которымъ были прежде отказаны награды, мнѣ весьма трудно начать рѣчь. Военный министръ уже и безъ того смотритъ на меня не иначе, какъ на отъявленнаго присяжнаго адвоката Кавказа, и вообще мой голосъ не можетъ имѣть никакого полезнаго вліянія, несмотря на то, что по наружности мы въ самыхъ лучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Поэтому мнѣ крайне тяжело думать, что я не буду въ состояніи быть здѣсь полезнымъ Кавказу, сколько я желалъ бы и сколько ваше сіятельство вѣроятно ожидаете отъ меня. Смѣю однакоже думать, что вы во всякомъ случаѣ не станете въ томъ винить меня.

Между прочимъ меня мучитъ мысль, что Ольшевскій и Карлгофъ, надѣясь на меня, останутся безъ мѣстъ. Относительно перваго я жду съ нетерпѣніемъ отвѣта о томъ, приметъ ли онъ мѣсто окружнаго начальника внутренней стражи: это мѣсто генераль-лейтенантское, и въ настоящее время обращено особенное вниманіе на эту службу. Не изволите ли также найти возможнымъ пощупать генерала Филипсона: не согласится ли онъ, хоть со временемъ, т.-е. по возвращеніи изъ-за границы, принять мѣсто бар. Ливена? Такое назначеніе, какъ мнѣ кажется, не противорѣчило бы домашнимъ его видамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавило бы ваше сіятельство отъ необходимости снова запрашивать для генерала Филипсона новыя милости по увольненіи его отъ настоящей должности.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ Ив. Гр. Колосовскаго въ той надеждѣ, что онъ привезетъ мнѣ на словахъ болѣе подробныя извѣстія о вашемъ здоровьѣ и обо всемъ, что письменю передать было бы неудобно. Всякій пріѣзжающій съ Кавказа для насъ какъ-будто родной. Сегодня я обрадовался, увидѣвъ князя Бориса Голицына. На-дняхъ намѣреваюсь соединить у себя многихъ изъ находящихся здѣсь Кавказцевъ. Жена моя поручаетъ мнѣ выразить вашему сіятельству искреннюю благодарность за благосклонное ваше вниманіе. Она не можетъ до сихъ поръ свыкнуться съ здѣшнимъ климатомъ и жизнію. Дѣти также продолжаютъ горевать по второй своей родинѣ. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что я все больше и больше чувствую, какую понесъ потерю, разставшись съ вашимъ сіятельствомъ и съ благодатнымъ Кавказомъ. Хотя и не имѣю пока никакой при-

чины жаловаться, но все-таки здѣсь не по мнѣ: холодно, очень холодно и очень грустно.

На-дняхъ пріѣхалъ сюда герой Китая—Игнатъевъ; его носятъ на рукахъ.

*

14 Февраля 1861. С.-П.-бургъ.

Государь ведетъ это дѣло съ удивительною твердостью по назначенному пути, несмотря не общее почти противодѣйствіе, на отчаянныя вопли, брани и даже угрозы большинства сановниковъ и всей помѣщичьей партіи. Вы можете себѣ представить, до чего дошло теперь раздраженіе этой партіи. Дай Богъ Государю силъ и здоровья, чтобы довести до конца это великое государственное дѣло.

Постараюсь еще сообщить вашему сіятельству дополнительныя свѣдѣнія съ Ив. Гр. Колосовскимъ; между тѣмъ покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и душевной преданности.

*

17 (29) Февраля 1864. С.-ПБ.

Если пожелаете знать все подробно, то отъ васъ будетъ зависть вызвать къ себѣ въ Дрезденъ кого угодно: Бутковъ и Харитоновъ уже приговариваются на эту поѣздку къ вамъ на встрѣчу. Здѣсь теперь очень много Кавказцевъ. На-дняхъ былъ у насъ Кавказскій вечеръ, на которомъ собралось до 150 человекъ; всѣ были одушевлены однимъ чувствомъ—привязанности къ Кавказу; съ восторгомъ пили за ваше здоровье при обычныхъ крикахъ ура! Сологубъ, какъ слѣдуетъ, произнесъ длинный спичъ, на который отвѣчалъ почтенный Викентій Михайловичъ, съ свойственнымъ ему одному родомъ краснорѣчія.

На Кавказѣ вообще дѣла идутъ хорошо, хотя многое остановилось въ томъ расчетѣ, что ваше сіятельство скоро возвратитесь туда. Нельзя того же сказать о другихъ дѣлахъ... Но спѣшу извиниться, что я невольно навожу рѣчь на дѣла, когда обѣщалъ не говорить о нихъ. У меня дома все благополучно. Жена моя искренно признательна за любезное воспоминаніе ваше о ней во всякомъ письмѣ вашемъ. Не теряемъ надежды еще разъ увидѣться съ вашимъ сіятельствомъ въ теченіе нынѣшняго года.

*

9 (21) Мая 1862.

Д. ст. сов. Харитоновъ, ожидающій только телеграфическаго приказанія вашего, собирается ежедневно ѣхать за границу, и потому я предоставляю ему лично доложить вашему сіятельству обо всѣхъ дѣлахъ Кавказскихъ, которыя могутъ васъ интересовать.

*

30 Мая 1862.

Хорошія извѣстія о вашемъ здоровьи истинно радуютъ меня. Дай Богъ, чтобы къ осени ваше сіятельство могли возвратиться на Кавказъ, гдѣ ожидаютъ васъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Не можемъ ли и мы надѣяться предъ тѣмъ увидѣть васъ здѣсь? Ваши появленія, хотя и кратковременныя, весьма имѣютъ полезное вліяніе.

Р. С. Государь ожидаетъ обѣщаннаго вами при первомъ вѣрномъ случаѣ отвѣта на письмо Его Величества.

*

5 Декабря 1862. С.-ПБ.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ, получивъ вчера по телеграфу извѣщеніе отъ Государя о предстоящемъ ему назначеніи, отправляется въ Москву завтра за окончательными приказаніями, а по возвращеніи оттуда, кажется, намѣревается еще разъ съѣздить въ Вильно, чтобы переговорить съ вашимъ сіятельствомъ. Всего труднѣе будетъ ему замѣщеніе должностей по гражданскому управленію, изъ коихъ многія уже и теперь вакантныя. По военной части я убѣждалъ его сохранить еще на нѣкоторое время гр. Евдокимова въ Кубанской области: безъ него дѣло тамъ останется недоконченнымъ. Князь Мирскій, уѣхавшій вчера въ Москву, поговаривалъ уже о томъ, чтобы совсѣмъ оставить Кавказъ, куда онъ ѣдетъ теперь только на короткое время (по его словамъ). Вотъ новое подтвержденіе всегдашняго моего мнѣнія о немъ: постоянство и усидчивость не принадлежатъ къ числу его личныхъ достоинствъ. Кажется, Великій Князь, на первое время, никого не беретъ съ собой, и хорошо дѣлаетъ.

Я боюсь часто утруждать ваше сіятельство своими письмами, зная, какъ они бывають не кстати во время болѣзни. Но если бы они не обременяли васъ, то я былъ бы счастливъ получить позволеніе ваше продолжать и на будущее время переписку.

*

Никто не станетъ отрицать великихъ заслугъ, которыя оказалъ графъ Милютинъ: введеніемъ общей воинской повинности, сокращеніемъ срока воинской повинности, расширеніемъ грамотности между солдатами, одолѣніемъ хозяйственнаго хищничества и пр. Но остаются и злополучныя стороны, простиравшіяся, какъ намъ кажется, отъ исключительнаго заимствованія во Французскомъ воинскомъ устройствѣ и отъ самаго происхожденія преобразователя. Онъ не былъ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ, и предокъ его переселился къ намъ изъ какой-то Юго-западной Славянской страны. Прадѣдъ, Калужскій купецъ, былъ человѣкомъ на всѣ руки: у него и ленточное производство, и сѣстные лавки. Его имя осталось въ Москвѣ въ названіи переулка, въ Петербургѣ въ Милютинскихъ лавкахъ. Братъ графа, достопамятѣйшій Николай Алексѣичъ, объяснялъ мнѣ, почему въ гербѣ у нихъ печвая выюшка. Въ 1732 году, когда, по устройствѣ Ладожскаго канала, Анна Ивановна могла переселиться изъ Москвы въ Петербургъ, она заняла небольшой, принадлежавшій адмиралу Апраксину и завѣщанный царямъ домъ, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. Печки были испорчены, и Милютинъ немедленно ихъ исправилъ. За это Императрица пожаловала ему дворянское достоинство со выюшкою въ гербѣ. Николай Алексѣевичъ сказывалъ, что у брата его сохранились записочки Петра Великаго къ ихъ прадѣду. Купечески-мѣщанское нерасположеніе къ господамъ-дворянамъ проглядывало въ дѣятели графа Милютина. Служа при князѣ Барятинскомъ на Кавказѣ, онъ ему проговорился: было время, что я васъ ненавиждѣлъ.—За что?—Да за то, что вы князь (см. „Р. Архивъ“ въ біографіи князя Барятинскаго, написанной А. Л. Зиссерманомъ). Мужское поколѣніе Милютиныхъ угасло въ лицѣ Юрія Николаевича, благороднаго дѣятеля нашихъ дней. П. Б.

